

Фото со страницы Станислава Зимовца в соцсети «ВКонтакте»

18.07.2017, 21:20 Москва

РЕПОРТАЖ

«Адвокат — красавица, подсудимый — важный тут»: репортаж с прений по делу Зимовца

Подходит к концу рассмотрение дела Станислава Зимовца — первого обвиняемого в применении насилия к полицейским во время разгона акции 26 марта в Москве, который отказался признавать вину. Ранее Тверской районный суд уже вынес приговоры двум «признавшим», не став изучать доказательства их вины. Оба получили реальные сроки: **Юрий Кулий** — восемь месяцев колонии-поселения, **Александр Шпаков** — полтора года колонии общего режима. 18 июля в ходе прений обвинение попросило приговорить Станислава Зимовца

к трем годам колонии общего режима. ОВД-Инфо рассказывает, как проходило заседание.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

В коридоре рядом с 22-м кабинетом, где должен проходить суд над Станиславом Зимовцом, собираются люди. Две женщины в красных кофтах обсуждают передачи.

К кабинету подходит седой мужчина в синем костюме, заглядывает за дверь, к нему выходит секретарша судьи Елены Ермаковой. «Вы свидетель?» — спрашивает она. «Нет, я из Росгвардии, меня попросили прийти понаблюдать», — отвечает ей мужчина. — «Мы всех пригласим, посидите как слушатель».

Сотрудники полиции вместе с собакой и судебными приставами заводят в зал Станислава Зимовца. Все рассаживаются на скамейки. Женщин из группы поддержки пристав отчитывает за разговоры, говорит, что «в суде нельзя общаться».

«От Валеры Парфенова всем привет. И Кирилл Барабаша, — говорит из „клетки“ Зимовец. — И от Саши Соколова». (Речь об обвиняемых по «Делу „Армии воли народа“», прения **начались** 17 июля. — *ОВД-Инфо*).

Заходит судья Ермакова, начинается заседание. Адвокат Зимовца Светлана Сидоркина сообщает, что из-за материальных сложностей свидетели защиты, которые должны были дать характеристики подсудимому, не смогли приехать из Волгограда.

Сидоркина просит огласить некоторые материалы из дела. Она читает акт от 20 апреля 2017 года, в котором говорится, что следователь Семенов в помещении СК скопировал на свой CD-диск протокол допроса свидетеля Климова, а также протокол допроса свидетеля Бирюкова. Больше у Сидоркиной нет ходатайств. Судебное следствие объявляется законченным.

Рядом со скамьей, на которой сидит группа поддержки и журналисты, за стационарным компьютером работает молодой человек. На мониторе у него открыт документ, в который он периодически что-то записывает. Текст документа следующий:

Потерпевший — сидит грустит он

Гос. обвинитель — заполз

Адвокат — красавица

Подсудимый — важный тут

Начинаются судебные прения. Прокурор выступает первым. Он пересказывает позицию обвинения: Зимовец на Пушкинской площади во время несанкционированного митинга, зная, что перед ним сотрудник полиции применил к нему насилие «а именно бросил фрагмент кирпича, который попал в спину». Гособвинитель вспоминает, что на предыдущем заседании Зимовец **не признал вину**, но и не отрицал, что бросил фрагмент кирпича в сторону сотрудника. Прокурор говорит о первоначальных показаниях Зимовца, в которых он признавал вину, и отмечает, что давление на подсудимого не оказывалось. Представитель обвинения перечисляет доказательства вины Зимовца: показания потерпевшего Котенева, показания свидетелей сотрудников полиции, видеозапись с Пушкинской площади. Прокурор утверждает, что Зимовца сотрудники полиции решили задержать после того, как тот из «темного

рюкзака с буквами Кара» начал доставать кобуру с травматическим пистолетом. Обвинитель также говорит, что действия Зимовца угрожают общественной и государственной безопасности и что за счет таких действий «снижается качество государственной власти». Он просит судью учесть то, что Зимовец ранее не привлекался к ответственности и что он ветеран боевых действий. Прокурор считает, что «исправление» может быть достигнуто только в «местах лишения свободы» и просит назначить Зимовцу наказание в виде трех лет колонии общего режима.

После прокурора в прениях выступает потерпевший, полицейский Котенев, он говорит лишь, что полностью согласен с прокурором.

«Раскаиваться, что я пытался остановить избиение детей, что ли?»: репортаж с предыдущего заседания по делу Зимовца

Зимовец решил выступить раньше, чем его адвокат. Он благодарит людей за поддержку, которую они оказали ему в заключении: «Я думал, что я обречен, буду один. Но меня нашли. Ваше тепло дает поддержку на противостояние с таким произволом». Зимовец достает листок бумаги и начинает читать: «Я глубоко убежден, что вы и те, кто был на протестных акциях 26 марта и 12 июня, — будущее нашей страны и основа гражданского общества. Против нас проводят террор и репрессии, но мы становимся сплоченнее. Я убежден, что в нашей стране нет места для диктатуры». Свою речь он заканчивает словами: «Я бы не хотел, чтобы кто-то вроде Вовы Путина посмел в будущей России бить моего ребенка за то, что он против коррупции. Вот». Группа поддержки начинает хлопать, но приставы просят их прекратить. «Здесь заседание проходит, а не акция», — делает замечание судья.

После своей речи Зимовец начинает комментировать доказательства обвинения. Он говорит: мол, следователи ему сказали, что есть доказательства того, что он попал в сотрудника полиции. «Я гуманист и переживаю за чужие страдания, как за свои собственные» — так Зимовец объяснил то, что он изначально признал вину. Подсудимый говорит, что с таким защитником, которого ему дали сначала, он не мог защищаться. Он достает листок бумаги и вытягивает руку за границы «клетки». На листке снимок из инстаграма его адвоката по назначению Дианы Татосовой, на которой она выглядывает из машины Следственного комитета. «По-моему, ее тоже надо одеть в форму следователя, чтобы не вводить в заблуждение людей. А меня ввели в заблуждение», — говорит Зимовец. Обвиняемый уверен, что доказательства его вины всего лишь косвенные. «Я не вижу смысла себя защищать... я не буду исправляться... я не раскаиваюсь», — заканчивает свое выступление Зимовец.

Светлана Сидоркина. Фото: RFE/RL

Берет слово адвокат Светлана Сидоркина. Свою речь она начинает с того, что, по ее мнению, нынешняя правоохранительная система не соответствует «ни букве, ни духу закона». Сидоркина говорит, что по статье, которая вменяется ее подзащитному, есть альтернативные виды наказания, а не только лишение свободы. По словам защитника, доказательства были собраны с нарушениями и не соответствуют требованиям закона. Адвокат отмечает, что теперь закон подчиняется власти, и приводит в пример присягу, которую дают полицейские при поступлении на службу.

«Я не буду подробно описывать диспозицию части 1 статьи 318. Остановлюсь лишь на том моменте, что диспозиция данной статьи предполагает наличие прямого умысла. По тем доказательствам, что имеются в материалах дела,

нет данных о прямом умысле. Это была эмоциональная реакция», — говорит Сидоркина.

По поводу доказательств вины своего подзащитного адвокат замечает, что потерпевший Котенев стоял спиной к ее подзащитному, а свидетель Климов, который снимал происходящее на Пушкинской площади, не мог видеть, куда попал кирпич, так как тело потерпевшего частично заслоняло Зимовца, и это значит, что свидетель мог делать только предположения относительно того, попал кирпич в Котенева или нет. Защитник отмечает, что свидетель Деянов снимал только момент задержания Зимовца и рассуждать о виновности или невиновности ее подзащитного он мог лишь со слов коллег или следователя. Свидетель же Бирюков, который также вел видеосъемку, пояснял в суде, что оценку действиям Зимовца он дал после просмотра видео, когда акция уже прошла.

Адвокат поставила под сомнение видеозаписи, которые стали основой обвинения. По словам Сидоркиной, в соответствии с требованиями УПК, к делу должна приобщаться оригинальная запись, однако следователи получили лишь копии. Она также обращает внимание на то, что следствие получило не полные видеозаписи, а лишь видеофрагменты копий. Кроме того, выемка материала осуществлялась без присутствия специалиста, что также нарушает законодательство. Сидоркина назвала данные доказательства недопустимыми: по ее мнению, они должны быть изъяты из дела. «Я полагаю, что при данных обстоятельствах можно говорить не только об исключении из числа доказательств, но и есть основания, что эти видеофрагменты были созданы в результате видеомонтажа», — заключила адвокат.

Сидоркина также указала на то, что, согласно показаниям свидетеля Климова, ее подзащитный других противоправных действий не совершал и то, что Зимовца

сначала привлекли к административному делу, а затем к уголовному, означает, что его фактически дважды наказывают за одни и те же действия. Кроме того, она напомнила, что мера пресечения в виде заключения под стражу Зимовцу была избрана, когда завели уголовное дело, возбужденное по трем статьям — 213, 317 и части 2 статьи 318 УК. Затем дело Зимовца выделили в отдельное производство вовсе по части 1 статьи 318 УК, но несмотря на то, что «тяжесть вменяемого преступления» уменьшилась, меру пресечения ему оставили прежней.

«В данной ситуации срок наказания, который запросил гособвинитель, складывается из того, что данное дело очень политизировано», — говорит Сидоркина. Она также отмечает, что ее подзащитный оказался на митинге случайно. По словам защитника, Зимовец — «человек региона», и так как он «никогда не видел действий сотрудников полиции на публичном мероприятии в большом городе», его реакция была вызвана именно противоправными действиями полицейских. «Я считаю, что образ сотрудника полиции у жителей регионов складывается из того образа, который был в Советском Союзе. В их представлении сотрудники полиции не могут совершать тех действий, свидетелем которых стал мой подзащитный», — предполагает адвокат.

Сидоркина просит суд принять во внимание психоэмоциональное состояние и место жительства Зимовца, данные его личности.

— Наверняка у суда вызывает раздражение в какой-то степени поведение моего подзащитного, — предположила адвокат.

— Не вызывает раздражения, — негромко сказала судья.

Сидоркина рассказывает, как после заседаний слушатели говорят ей о том, поведение ее подзащитного может привести к реальному сроку. «У моего подзащитного

повышенное чувство социальной справедливости», — комментирует адвокат то, что Зимовец «может не знать, как вести себя на судебном заседании». Она просит суд оправдать Зимовца. У сторон нет реплик. «Извините, что я так эмоционально, я волновался. Плохо выступил», — говорит Зимовец. «Все хорошо», — успокаивает его судья.

Судебные прения окончены. Зимовец выступает с последним словом.

Так, последнее слово. Ммм. Что я могу сказать. Я надеюсь только на гражданское общество, потому что я сам часть этого гражданского общества. Надо помогать друг другу, надо сплочаться. Вот. Будущее за нами. Вот. Я не вижу, что диктатура будет дальше произвол чинить в отношении нас, граждан. Извините, что я не такой красноречивый, как Цицерон. Ну, я старался. Ну если что, значит, так надо, значит, ну отсижу, чё. Буду учиться, над собой работать. Главное, чтобы так дальше не было, чтобы детей на площади не избивали. Держитесь

Выйдя из зала заседания группа поддержки решает, что стоит начать аплодировать «как раньше». Выводят Зимовца, несколько человек начинают хлопать. Их одергивает судебный пристав.

Оглашение приговора назначено на 20 июля, в 11:30 утра.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело 26 марта

Дело о нападениях на полицейских заведено после жестко разогнанной акции против коррупции 26 марта 2017 года.

23 117

Ещё почитать

06.03.2026 [Москва](#)

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело